

8 - МАЯ 1938

Из «трудового списка» НАРОДНОЙ АРТИСТКИ РЕСПУБЛИКИ Е. П. КОРЧАГИНОЙ-АЛЕКСАНДРОВСКОЙ *)

В Петербург мы приехали в августе 1904 г. После провинциальных центров Питер произвел на нас неотразимое впечатление. Никогда в жизни мы не видели такой большой и красивой улицы, как Невский, по которому нас повезли с вокзала. Тотчас же по приезде мы отправились осматривать город. Муж надел парадный костюм и котелок, а я — зеленое пальто типа манти и красную шляпу. Вскоре мы заметили, что окружающие с удивлением рассматривают нас, но в простоте душевной я решила, что все любят нас нашим нарядом. Мне и в голову не приходило, как мы были забавны своим провинциальным шиком.

Тогда же мы поехали к Бравичу, принявшему нас очень тепло и сообщившему день сбора труппы. Как сейчас помню наше первое появление в театре Коммунарской. Вся труппа уже была в сборе. Маленькая женщина с большими глазами с несколько грудным тембром голоса, одетая в скромное шерстяное платье, сидела в стороне, приветливо разговаривая с подходящими к ней актерами. Это была сама Вера Федоровна Коммунарская.

Меня поразила общая атмосфера, парившая в театре Коммунарской. Входя в театр, даже в рабочие часы репетиций, я чувствовала, как светло и радостно становится у меня на душе. И прежде всего сама Вера Федоровна создавала такую атмосферу. Я служила у Коммунарской до 1907 года и не помню, чтобы хоть раз Вера Федоровна опоздала на репетицию. Совсем не чувствовалось, что она была хозяйкой театра.

Много ролей я переиграла вместе с Верой Федоровной и всегда изумлялась, насколько жила на сцене эта замеча-

тельная актриса. Играл с ней, я никогда не ощущала самой актрисы, а видела только образ, который должен быть в пьесе. В течение всего спектакля она оставалась в образе. Лишь в одной пьесе — в «Бесприданнице» — она неизменно нарушала это. У нее совершенно не было голоса для пения. Известный романс Лариной она в сущности не пела, а говорила под музыку. Правда, это было так сильно, что весь театр слушал его, зажав дыхание.

Я всегда отдавала должное Коммунарской в «Чайке». Но почему-то именно здесь она никогда не захватывала меня. Очень сильное впечатление она производила в «Сестре Беатрисе». Но где она буквально потрясала — это в «Норе». Ее исполнение Норы было для меня каким-то откровением. Особенно сильно проводила она «тарантеллу». У меня каждый раз захватывало дыхание, когда я смотрела ее танец. Каждый спектакль я бежала в зрительный зал, посмотреть ее в этот момент. И всегда Нора Коммунарской отличалась глубиной переживания роли, всегда была одинаково неподражаема...

После революции мне пришлось сыграть очень мало ролей. Играла я все больше какие-то эпизоды. До сих пор советские драматурги еще не могут обеспечить актрис полнокровными большими ролями. Но несколько ролей нашла и я. Вспомнивая обывательниц, которых každодневно встречала я в первые годы революции, тех самых обывательниц, которые увидели в революции только ухудшение бытовых условий, и построила роль Гулячкиной в «Мандате». Проникаясь рассказами о героических матерях революционеров, я сделала свою роль в «Пугачевщине». Мать идет вдоль реки за плотом, на котором повешен ее сын. Идет день, идет ночь, не чувствуя усталости. Наконец, где-то останавливается и говорит: «итти нет мочи и отстать нет мочи». Это единственная фраза роли. Но каждый раз такое глубокое волнение охватывало меня в этот момент, что я совершенно разбитая уходила со сцены. Обобщая эти образы, я работала над ролью матери Ивана Каляева, пытаюсь передать трагедию матери, сын которой через несколько мгновений погибнет, но осознающей все историческое значение этой жертвы.

Но в сущности первой большой ролью после революции была роль Клары в «Страхе». Помню, как облегченно вздохнула вся труппа, когда нам прочли эту пьесу, когда мы почувствовали, что получили материал, который даст нам возможность отобразить нашу эпоху, людей, живущих в наши дни. Я никак не ожидала, что мне придется играть роль Клары, и готовилась получить Амалию Карловну. И вдруг, мне, «старухе», предлагают роль героического плана. Но я решила на этот шаг. С первых дней революции я увидела тип новой женщины: женщины-общественницы и революционерки. Увидела его на фабриках, заводах, в Красной армии, в общественных организациях, в повседневной жизни. Этот тип и попыталась я передать в образе Клары, сочетав его с прежним моим опытом создания героического образа, матери революционерки. На 14-м году революции я, игравшая всю жизнь «комических старух», творчески омолодилась, перепла, говоря старым театральным языком, на амплуа пожилой героини.

*) Окончание. См. «Смену» от 6 марта.